

ЧЕТВЕРО МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ **с двумя скрипками, альтом и виолончелью**

Когда на сцене камерный инструментальный ансамбль – трио, квартет, – хорошо сидеть поближе, ряду так в четвертом-пятом. Нет, не потому, что лучше слышно – слышно и на последних рядах. Лучше видно.

Слушаю музыку – и ловлю мгновенные взгляды, которыми обмениваются артисты, едва заметные движения их бровей, ресниц, подбородков. Всё это внешние, зримые и, скажем так, побочные проявления того контакта, того абсолютного взаимопонимания без слов, «взаимочувствования», которые достигаются в долгие часы репетиций и обнаруживаются, конечно же, прежде всего в качестве звучания ансамбля. Разумеется, мы приходим в концертный зал *слушать* музыку. Но и то, о чём я говорю, дарит сильные «добавочные» эстетические впечатления, которые утрачиваются, если то же произведение услышать, например, в грамзаписи.

На состоявшихся недавно двух выступлениях струнного квартета Ростовской филармонии я, по обыкновению, расположился недалеко от сцены. И не ошибся. Я слышал (и видел!) *ансамбль*.

Слово это происходит от французского «вместе». Играть вместе – значит слить свои самостоятельные и равноправные партии в слаженное стройное единство. Легко сказать! Попробуйте достичь этого в условиях вихревого темпа, так называемой мелкой техники (когда и каждому в отдельности нелегко), чтобы стремительно, пронсящиеся микроскопические детали музыкальной ткани совпали, образовали задуманное композитором целое. Музыканты продемонстрировали такое целое – и в быстрых частях квартетов Бетховена, Шостаковича, Равеля, и не только в них.

Но это лишь техническая сторона дела. Играть вместе – значит согласовать усилия художественные, выработать общий стиль игры, добиться единства интерпретации. В идеале, в пределе это означает обретение единого творческого лица. (Не могу не заметить в скобках: участники многих ВИА – тоже ведь ансамбли! – не подозревают даже о существовании подобных творческих задач).

Прошедшие концерты показали: в этом направлении музыканты сделали решительный качественный скачок, во многом вплотную приблизились к заветному единству, а местами квартет звучал безупречно. Учитывая, что композитор нередко выключает на время из общего звучания один, два инструмента, внутри квартета образуются как бы ансамбли меньшего состава. Посчитаем: это четыре трио и шесть дуэтов в различных комбинациях. И каждая из «комбинаций» должна быть ансамблем. Такая вот арифметика.

Но пора познакомиться с коллективом поближе. Он молод. В нынешнем составе существует четвертый сезон. Младшему – 30, старшему – 35 лет. Юрий

Юрасов, Леонид Айзенберг, Лев Атлас и Александр Вольпов в разные годы окончили Ростовский музыкально-педагогический институт. Трое из них – по классу заслуженного артиста Карельской АССР, и. о. профессора С. Б. Куцовского. Кстати сказать, бывший «шеф» доволен питомцами, отмечает их стремительный профессиональный рост за последнее время. «Они играют так, будто у них не четыре смычка, а один», – в устах опытного педагога-струнника это высокая похвала.

Ю. Юрасов и Л. Атлас – ассистенты-стажеры (заочно) института им. Гнесиных в Москве, где ими руководит народный артист РСФСР, профессор Ярослав Александров, в течение 22 лет входивший в состав прославленного квартета им. Бородина. Двое других окончили ассистентуру-стажировку ранее, однако сейчас ездят на сессии вместе со своим первым скрипачом и альтистом.

Серьезным экзаменом стали и недавние концерты в Малом зале филармонии. Музыканты представили на суд публики две насыщенные программы, включающие семь произведений разных эпох и стилей – Бетховена, Равеля, Бородина, Чайковского, Шостаковича. Каждое из сочинений – шедевр квартетной литературы, вместе они – средоточие всех мыслимых трудностей ансамблевого музицирования. В то же время произведения популярны, известны почитателям жанра по концертам гастролирующих коллективов, многочисленным грамзаписям.

Лишь Квартет Равеля и Восьмой Шостаковича они играли ранее, остальные разучены недавно, в короткий срок. Пожалуй, именно на этих шедеврах ансамбль художественно вырос и окреп, приобрел уверенность исполнительского почерка, известную творческую смелость и свободу. Стабилизация состава (для ансамбля – неперемное условие высоких творческих результатов), единая школа и огромный труд обеспечили «притирку» четверых музыкантов, которая, в основном, думается, уже позади.

Постигая различные стили, композиторов весьма несходных индивидуальностей, молодые артисты обнаруживают немалую чуткость, способность к интонационно-тембровому перевоплощению. Отлично воссоздан «простонародный» характер многих страниц Седьмого квартета Бетховена, их рельефная подача в первых частях органично готовит появление в финале мелодии русской народной песни «Ах, талант мой, талант». Широкий распев, тонкая и одновременно естественная, «дышащая» фразировка, заставляющая вспомнить о русской хоровой манере, в медленных частях квартетов Бородина и Чайковского – знаменитом Ноктюрне и не менее знаменитом «Анданте кантабиле», слушая которое плакал Лев Толстой. Какие-то вьедливые, взвизгивающие, потом исступленные интонации в запечатлевающей звериный облик нацизма Токкате из Восьмого квартета Шостаковича, посвященного памяти жертв фашизма и войны. Ораторское начало, «говорящие» фразы в

Пассакалье из того же сочинения. Красота и изысканность, истинно французский «шарм» и «роскошная» звуковая красочность в Квартете Равеля.

Диапазон стилевых возможностей коллектива уже сегодня достаточно широк (здесь уместно вспомнить, что в минувшем сезоне ансамбль провел в музыкальных школах области абонементный цикл концертов «Из истории квартета»). В планах – активное сотрудничество с Ростовским молодежным музыкальным клубом, исполнение музыки донских авторов. Возможно, наличие в городе такого высокопрофессионального камерно-ансамблевого коллектива (пока, к сожалению, единственного), в свою очередь, будет стимулировать творчество наших композиторов в этой области.

Через два дня после второго концерта, идя по коридору института, я услышал доносящееся из аудитории благородное звучание струнного квартета. Приоткрыл дверь. И увидел их. Меня они не заметили. Четверо репетировали, напряженно вслушиваясь в голоса своих инструментов. И каждый слышал четыре голоса – двух скрипок, альты и виолончели.

Комсомолец. 1983. 12 окт.